Слипшиеся сущности

Руководитель Центра социального проектирования «Платформа» Алексей Фирсов ведет работу над своей книгой «Тавро и хлыст», посвященную различным формам контроля за массовым сознанием. «Актуальные комментарии» продолжают серию публикаций автора с выдержками из этой книги.

Часть 7. Слипшиеся сущности

Алексей Фирсов

Почему условная интеллигенция и условный народ часто недолюбливают друг друга? Проблема не только в антагонизме снобизма и простоты. Проблема – глубже, в разных типах мышления. Рассмотрим это на примере «слипшихся понятий».

Слипшиеся понятия объединяют смыслы, формально близкие, но при этом находящие на структурно разных уровнях смысла. За счет этой операции происходит их переплетение: каждое из них начинает как бы питать и поддерживать другое, передавая ему часть своей сущности.

Помните, раньше на аптеках любили изображать змею, которая обвивает чашу, как бы отдавая ей яд. Вот здесь происходит примерно то же самое. Если эти понятия различаются этической, эстетической или иной модальностью, то более слабая структурная единица корректирует свои слабые стороны через процедуру смыслового заимствования и замещения. Как правило, более слабые понятия шире, пластичней и менее конкретны. Более сильные – жестче, уверенней и требовательнее. («Сильные»

понятия — отличаются большей встроенностью в процессы, большей энергией, интеллектуальной мобилизацией, напряжением).

Примеры таких замещений хорошо известны из общественной практики, на них нет смысла останавливаться особо. Но в качестве иллюстрации приведем распространенные ряды: общество, нация и государство, которое в свою очередь соскальзывает в ряд конкретных руководителей. Получается, что вот это лицо и есть государство, а значит, и нация, и народ. Продолжим ряд: вера и церковь как институт (а значит, критика церкви есть критика веры). Ум и компетенция, компетенция и статусная позиция: «на таком месте дураков не держат». Доверие как внутренне переживание и доверие как социологический показатель). Традиция и традиционализм (как концепт). И так далее.

Неправильно смешивать слипшиеся понятия с ассоциациями в психологии, которые случайны и субъективны. Напротив, наш термин отличается структурной устойчивостью и рациональностью.

Но это верхний уровень. Слипшихся понятий гораздо больше, они встречаются в каждой развернутой речи. Очень частый феномен — когда какой-то процесс «слипается» с конкретным лицом, кажется без него невозможным. Эксперты любят обращать внимание на терминологические смешения, предупреждать об их рисках и т.п. Идеологи стремятся использовать этот феномен за счет обратного перехода, когда критика институционального, более «плотного», вещественного термина начинает трактоваться как дискредитация более слабого общего понятия. Но вот что здесь важно — языковая игра далеко не всегда является манипуляцией.

Манипулирование эффективно только в тех случаях, когда у аудиторий уже есть внутренняя готовность к такому синтезу. Сознанию свойственно не удерживаться на высоте и находить точку опоры в заземленных формах. Почему? Потому что сознание по своей природе проективно, деятельно, а деятельность работает с вещами, с предметностью. Здесь проявляется что-то вроде языковой игры — язык сам стремится к своей редукции.

Понятия первого уровня слишком ускользают от превращения в рабочий материал, чтобы обратить их в социальную практику. Скажем, понятие веры. В нем много интимного, личного, индивидуального. Как с ним работать? Проще с институциализированным понятием церкви, которая имеет физический образ и своих представителей. Так же расползается понятие общественного интереса, сознание стремится заместить его понятием интересов государства. Но и «государство» тоже требует больше конкретизации, и вот на его месте – конкретные люди, руководители. Сужение происходит объективно. Однако такие замещения, естественно, могут быть использованы.

Массовое сознание тяготеет к синтезу, к смысловым слияниям и поглощениям. В этом сила общественного мифа – он и есть инструмент объединения, он снимает противоречия и трудности в ситуациях, когда пазлы смысла не до конца входят друг в друга. Мифу противостоит аналитическое сознание меньшинства, стремящееся к разделению и анализу. Интеллигенция раздражает тем, что она начинает анализировать, разбирать на элементы и рассматривать. Поэтому с точки зрения общественного мифа интеллигенция совершенно деструктивна. Этими была, кстати, обусловлена казнь Сократа в древних Афинах. Но и сейчас такая деятельность кажется подозрительной.

Собственно, синтез сущностей, выраженный в «слипшихся понятиях», разрушают два инструмента: жесткая рациональность и ирония. Рациональность менее опасна, потому что всегда может быть истолкована как заумь. Ирония – более острое средство. Ее важно превентивно блокировать. Кстати, феномен Сократа ярок тем, что он совмещал в себе блестящую рациональность и блестящую иронию – был опасен вдвойне.

Но у автора нет задачи играть на одной стороне. Мифы важны и полезны, поскольку соединяют социальные разрывы, мобилизуют и делают отношение к миру «серьезным». Противостоять хирургии разума можно так: показывать, что за анализом начинается распад сущности, распад живого тела. Остается конвульсивность, холодная синева операционной. Задача осознанности – уметь жить

в мифе и уметь покидать миф.

Алексей Фирсов, руководитель Центра социального проектирования «Платформа»

Часть 1. Сознание в сетке целей

Часть 2. Девальвация элит

Часть 3. Технократия и ее ограничения

Часть 4. Осознанность

Часть 5. Цифровое мерцание и композиции

Часть 6. Идеология

Источник: «Актуальные комментарии»